

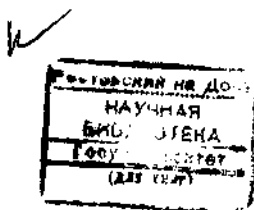
432

И.А. Балашова

Романтическая мифология
А.С. Пушкина

1.481.432

Балашова И.А.

Б 20 Романтическая мифология А.С. Пушкина. – Ростов-на-Дону.
Донской издательский дом. 2004. – 528 с.

ISBN 5-87688-155-4

Книга посвящена проблеме мифологичности творчества А.С. Пушкина, гения эпохи Романтизма. Лирические стихи, роман «Евгений Онегин», поэма «Медный всадник», шедевры прозы и графики Пушкина увидены в их эстетической содержательности, осмыслены особенности поэтики пушкинских произведений и метаморфизм его образов.

Книга предназначена для преподавателей, студентов гуманитарных вузов и для широкого круга читателей, интересующихся историей русской литературы.

На первом форзаце книги помещен рисунок автора памятника Пушкину в Твери О.К. Комова (публикуется впервые). Издание иллюстрировано рисунками Пушкина.

ISBN 5-87688-155-4

© Балашова И.А., 2004

© «Донской издательский дом», 2004

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Мифология в теории и практике Романтизма	5
Пушкинская теория Романтизма	26
История изучения романтизма и мифологии Пушкина	40
Г л а в а 1	
ТРАДИЦИИ И РОМАНТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ПУШКИНА	105
О стихотворении А.С. Пушкина «Усердно помолившись богу»	116
К вопросу о литературных источниках «Стихов, сочиненных во время путешествия (1829)» А.С. Пушкина	135
О роли литературных традиций в повести А.С. Пушкина «Гробовщик»	152
Традиции Дж.Ф. Купера в творчестве А.С. Пушкина	169
Опера К.М. Вебера «Freischütz» в творческом восприятии А.С. Пушкина	202
Приложение	219
Традиции славянской культуры в поэтическом творчестве А.С. Пушкина	222
Вл. Ходасевич, соавтор А.С. Пушкина (стихотворение «Романс»)	234
Пушкинские образы в стихотворном цикле А. Ахматовой «Requiem»	245
Г л а в а 2	
ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ У ПУШКИНА-РОМАНТИКА	258

Пушкин – поэт	261
Тема любви в лирике А.С. Пушкина второй половины 1820 гг. Роман в стихах «Евгений Онегин»	269
Об американском источнике поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»	285
Повесть «Пиковая дама». Романтическая концепция личности в творчестве А.С. Пушкина	298
Г л а в а 3	
ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАФИКИ И СЛОВЕСНЫХ ОБРАЗОВ ПОЭТА	314
О портрете Дж. Г. Байрона в арзрумской тетради А.С. Пушкина	318
Крым в рисунках А.С. Пушкина	333
Первая встреча А.С. Пушкина и М.С. Воронцова	344
Пушкин и античные авторы. Поэтика метаморфозы	353
Г л а в а 4	
ОСОБЕННОСТИ ПУШКИНСКОГО МИФОЛОГИЗМА	391
А.С. Пушкин в Ростове-на-Дону в 1820 году	394
Повесть А.С.Пушкина «Станционный смотритель»	408
Самоназывание и самоосознание в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	422
Историзм А.С. Пушкина-романтика	433
Об особенностях лирических образов А.С. Пушкина	462
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	479
Первые публикации	490
Условные сокращения	492
РИСУНКИ А.С. ПУШКИНА	493
Русские поэты и писатели о романтической мифологии и мифотворчестве	519

А.С. Пушкин в Ростове-на-Дону в 1820 году

Весной 1820 г. Пушкин выехал по направлению к южным границам России. Это было первое в его жизни самостоятельное большое путешествие. Встретившись с Раевскими, поэт продолжил его, и поездка стала более легкой и приятной, наполненной интересными встречами, неожиданными событиями, яркими впечатлениями. Поэт почувствовал себя просвещенным путешественником, который, преодолевая расстояния, приобретал познания в географии, истории, культуре. Среди новых картин, открывшихся взору юноши, Дон занял особое место. Знакомясь с донской землей, Пушкин был внимателен к живописной природе края, к его героической истории, к особенностям населявших его жителей.

Первое пребывание поэта в Приазовье и на Дону в конце мая – начале июня 1820 г. было особенно богато впечатлениями. Тогда он попал в эти места во многом случайно. Отъезд из столицы не был продиктован его собственным желанием: приказ покинуть Петербург был для Пушкина неожиданным. Император Александр I намеревался вынести строгий вердикт касательно дальнейшей судьбы молодого вольнодумца, но, как писал Ф.Ф. Вигель, граф Каподистриа и Карамзин «дерзнули доказать» царю «всю жестокость» его намерения сослать поэта на Соловки или в Сибирь¹. Потому был осуществлен служебный перевод Пушкина.

Самым радостным для поэта было то, что вскоре предстояла поездка с Раевскими по югу России. Н.И. Тургенев 23 апреля писал брату Сергею в Константинополь: «Пушкина дело кончилось очень хорошо», и рассказ свой завершал фразой: «Он те-

перь собирается ехать с молодым Раевским в Киев и Крым». Седьмого мая К.Я. Булгаков писал А.Я. Булгакову в Москву: «Пушкин – поэт, поэтов племянник, вчера уехал в Крым». Н.М. Карамзин 17 мая в письме к П.А. Вяземскому сообщал, что Пушкин дал ему «слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на пять»².

По предположению В.А. Кошелева, это путешествие поэта было заранее обсуждено с царем, и явилось проявлением монаршей милости³. Но законопослушному Раевскому-старшему было достаточно знать об отсутствии возражений, а поэт ничего не знал о милости, если таковая и была проявлена. В сентябрьском письме к брату, рассчитанном на обнародование, Пушкин рассказывал о своей болезни в Екатеринославе и, создавая романтический сюжет, который одновременно в выгодном свете представлял действия друзей, упоминал, что предложение путешествовать получил от приехавшего в город Николая Раевского (10, 95). Поэту можно быть уверенными лишь в том, что поездка на юг планировалась уже в Петербурге, и поэту было известно и о ней, и о том, что он станет ее участником⁴.

Из столицы Пушкин вынужден выехать раньше Раевских. Он побывает в Киеве, не доставив письма старшему сыну генерала, так как Софья Алексеевна, супруга Раевского, забыла его передать, и будет ожидать своих спутников в Екатеринославе.

Поэт выполнил служебное поручение около 17 мая. Прибыв в Екатеринослав, он поселился в местности Мандрыковка. Молодой человек скучал в провинции. Как-то, разгоряченным, он искупался в Днепре и, жестоко простудившись, слег. Заболевшего поэта разыскали Раевские в одном из простых домов на окраине города 27 мая, на следующий день после дня его рождения.

Приехав сюда, они, по свидетельству Раевского-старшего, ночевали в доме губернатора одну ночь⁵. Точная дата письма генерала к дочери с сообщением о прибытии на Горячие воды 6 июня⁶ позволяет уточнить время приезда генерала с младшими детьми в Екатеринослав. Это произошло не 26 мая, как отмечено в «Летописи...», а 27 мая. Обед же, на котором, по рассказу

доктора Рудыковского, присутствовал Пушкин⁷, был устроен на пути к Таганрогу, возможно, в Александровске (ныне Запорожье). Здесь, в 82 верстах от Екатеринослава, путешественники переправлялись через Днепр. Следующая остановка для отдыха была в Таганроге, о чем Раевский напишет в письме дочери.

А утром 31 мая (11 июня по н. ст.) Пушкин выехал из Таганрога с Раевскими и их прислугой. Генерал писал о новом этапе поездки в отпуск: «...Поутру рано отправился в Ростов, что прежде было предместьем крепости Святого Димитрия»⁸.

Путь на Ростов проходил по почтовому тракту. До станицы Самбекской ехали 17–18 верст, до Морско-Чулеской – 14, до Мокро-Чалтырской – 20 и от нее к Ростову еще 17 верст⁹. Перед посещением края императором Александром I в 1818 г. Таганрогская дорога, как и другие, была приведена в порядок. В местах пересечения дороги балками, оврагами и реками были наведены и поправлены деревянные мосты, а поскольку леса вблизи не имелось, то деревья рядом с трактом посажены не были, и вдоль него стояли лишь верстовые столбы. В стороне и позади путников оставались дачи и хутора помещиков, служилых казаков или их вдов и казенных поселян. В двух верстах от второго участка дороги тянулся берег залива, называемого на картах XIX в. Азовским морем.

Два города разделяло расстояние в 68 верст, и к полудню или немногим позже путешественники достигли цели. На картах разных времен нанесено несколько дорог у крепостных форштадтов, которые стали называться Ростовом с 1806 г. Один из основных путей вел через Генеральную балку к домам жителей, другой – дальше к северным воротам крепости и в объезд ее, была дорога вне города и к западным воротам¹⁰. Согласно плану А.И. Ригельмана, составленному в 1768 г., в Дмитриевской крепости не было почтовой станции, и проезжающие военные оставляли лошадей в конюшнях и при казармах. По описаниям же Ростова 1801 и 1836 гг.¹¹ и на плане 1811 г., утвержденном Александром I¹², в городе имелась одна почтовая контора. Поэтому для новых гостей наиболее вероятен обычный маршрут путеше-

ственников. Предъявив подорожные у въезда в город, они проехали улицами Доломановского и Солдатского форштадтов и направились к почтовой конторе, которую отделяло от западных ворот крепости расстояние в 1–1,5 версты. Здесь приезжие остановились для отдыха и обеда.

Расположение почтовой конторы легко определяется по плану города 1811 г. Она находилась в третьем от церкви Рождества Богородицы (сегодня место этой церкви занимает Собор) квартале, параллельном ей. Контора начинала ряд строений улицы, ныне носящей имя К.С. Станиславского, в месте ее пересечения с современным Ворошиловским проспектом.

Подробно рассказывая о поездке, генерал Раевский писал старшей дочери: «Крепость сия есть то место, где 37 лет тому назад жил почти год с матушкой по той причине, что Лев Денисович, командовавший полком, ходил на Кубань под командой Суворова, а чтобы рассмешить тебя, мой друг, напомним песенку, мной сочиненную девице Пеленкиной и тебе известную, в которой я назвал ее Лизетой, потому что к ее имени, т.е. Алены, я рифмы приискать не мог. В первый раз, ехав на Кавказ, при жизни ее мужа, тому 25 лет, я у них обедал, нынче, узнав, поехал к ней, застал у них гостей; одна дочь замужем, другая же, 17 лет, в девицах и так хороша, как мало видел я хороших. Я посидел, посмеялись насчет ребяческих лет наших и... расстались без слез, ни сожаленья»¹³.

Из приведенной части письма следует, что в возрасте 12 лет (1783 год) Раевский прожил в крепости Святого Димитрия Ростовского почти год. Его отчим Л.Д. Давыдов был в подчинении у Суворова, возглавившего Кубанский корпус и жившего в крепости, которая была крупной тыловой базой. Эти сведения, не привлекавшие ранее внимание исследователей, объясняют многочисленные подробности о донской земле в письмах Раевского, точность и живость его наблюдений и суждений. Вот, к примеру, что писал генерал о степях, которые увидели путники, переправившиеся через Днепр: «За рекой мы углубились в степи, ровные, одинакие, без всякой перемены и предмета, на котором бы

мог взор путешествующего остановиться; земли, способные к плодородию, но безводные и потому мало заселенные, они отличаются от тех, что мы с тобой видали, множеством травы, ковылем называемой, которую и скот пасущийся в пищу не употребляет, как будто бы почитает единственное их украшение. Надобно признаться, что при восходе или заходе солнца, когда смотришь на траву против одного, то представляется тебе чистого серебра волнующееся море»¹⁴. Эти наблюдения позволяют предполагать многочисленные устные замечания генерала об истории и географии края, которые он сообщал молодым слушателям. Острый ум Раевского, преимущества его возраста и культурного развития, его детские воспоминания, опыт длительного проживания и непосредственного общения с природой и жителями Дона делали генерала интереснейшим собеседником для Николая и Александра, которые поневоле смотрели на многие обстоятельства его глазами. Был важен для них и большой запас знаний Раевского-офицера.

Путники остановились неподалеку от земляного вала и башен. Они принадлежали крепости Святого Димитрия Ростовского, которая входила в хорошо продуманную систему оборонительных сооружений. Днем ранее путешественники могли видеть Троицкую в Таганроге, в стороне и позади них остались Азовская в устье Дона, упраздненные Лютик и Донецкая на Мертвом Донце. Все эти крепости выполнили свою роль на разных этапах закрепления России на юге. Сведения о них были интересны не только Раевскому-младшему, но и Пушкину, многие друзья которого обучались в Лицее военным наукам и были выпущены офицерами.

Генерал посетил знакомые ему места и в юности, побывав здесь в 1795 г. Города тогда еще не было, поэтому он и пишет о нем как о прежнем предместье крепости. В свой новый приезд Раевский навещает некую Алену Пеленкину, которую знал, скорее всего, с детских лет. В ее доме, встреченный супругами, и отобедал 25 лет назад молодой офицер, ехавший к месту службы на Кавказ.

В Ростовском областном архиве нам удалось обнаружить документ, в котором упоминается имя плац-майора Пеленкина, очевидно, отца Алены. Документ, датированный 1786 г., представляет собой ордер обер-коменданта крепости Михайлы Машкова инженеру цейхвартеру Тетюпину. Командование крепости испытывало затруднения с расквартированием в наземных домах разных чинов гарнизонных и полевых полков. И когда столярный мастер Никифор Сутырин попросил освободить его от постоя кригцалмейстера князя Назарова, лакей которого нанес обиду мастеру и его жене, в просьбе отказали. Все квартиры были заняты, а Солдатский форштадт был удален от казенных домов крепости. Поэтому ограничились штрафом князю и обещанием решить вопрос по освобождению какого-либо дома. В разборе жалобы мастера Сутырина участвовал и плац-майор Пеленкин¹⁵.

Обнаруженный документ, ценность которого в том, что он содержит сведения о военных, служивших в Димитриевской крепости в 1780-х гг., позволяет заключить, что Раевский в письме дочери назвал девичью фамилию своей знакомой и знал он ее, действительно, с детских лет¹⁶. Возможно и еще одно уточнение. Давняя знакомая, овдовев, могла проживать как на территории крепости, так и в одном из форштадтов. Но в форштадтах, переведенных из крепости Святой Анны, которая располагалась выше Старочеркаска и была расформирована при начале строительства Ростовской крепости, проживали в основном солдаты и их семьи, а также средний класс – купцы. Отец Пеленкиной был плац-майором. В русской армии чин майора был первым штаб-офицерским чином, а плац-майор мог исполнять обязанности коменданта. Как изложено в статье Военной энциклопедии, «плац-майоры назначались для заведования арестантами гарнизона крепости и пересылаемыми рекрутами, для наблюдения за внешним порядком и для наряда караулов. При отсутствии коменданта плац-майор передавал свою должность плац-адъютанту, а сам вступал в исполнение обязанностей коменданта. На должность плац-майоров избирались преимущественно отставные раненые офицеры»¹⁷.

Итак, семья заслуженного офицера, каким был Пеленкин, наделенный важными полномочиями, несомненно проживала в крепости. У вышедшей замуж знакомой генерала оставалось право на казенную квартиру или дом в крепости. Раевский пишет, что поехал к ней, значит, место ее жительства было удалено от почтовой конторы.

Дома штаб и обер-офицеров находились (согласно плану Ригельмана) в районе современных улиц Московской и Садовой между улицей Соколова и переулком Крепостным, а также вокруг дома коменданта в районе пересечения современных улицы Суворова и проспекта Кировского. Ни одно из жилых строений крепости не сохранилось на территории современного города.

Однако вполне возможно также, что вблизи крепости у давней знакомой генерала было поместье. Если в нем был дом, то в летнее время она, конечно, проживала там.

Раевский мог навестил Пеленкину без детей и сопровождающих, так как прием большого количества неожиданных посетителей был бы обременителен для хозяйки, у которой к тому же оказалось много гостей. Но он мог и взять с собой сына и его друга (а если генерал направился в имение, то вполне вероятно, что с ним отправились дети). И все же нельзя быть уверенными в том, что молодые люди сопровождали генерала по дороге к его знакомой, как и в том, что они осмотрели крепость. Но даже если спустя 3—4 часа, когда миновал зной, они только проехали по ее территории, продолжая путь через Нахичевань в Аксай, их впечатления не отличались от наблюдений тех, кто приезжал сюда в 1810 гг.

История крепости могла быть предметом разговоров по пути к Ростову, во время небольших остановок или в Таганроге у П.А. Папкова, бывшего также и Ростовским градоначальником.

Самая большая в низовьях Дона крепость Димитрия Ростовского занимала 95 га и была построена в виде девятиугольной звезды, открытой в сторону реки. Согласно сохранившимся планам разных времен, в центре ее находился дом коменданта,

деревянная соборная Покровская церковь, приходская церковь, дом священника, штаб, гарнизонная канцелярия, квартиры офицеров, казармы, лазареты, погреб и другие бытовые строения¹⁸. Наиболее точные сведения о фортификационных и военных достоинствах крепости изложены в монографии В.В. Яковлева «История крепостей», вышедшей в Москве в 1931 г. и переизданной в Петербурге в 1995 г. Военный историк писал: «В 1745 году артиллерийским капитаном Сипягиным был составлен проект крепости св. Димитрия на Дону, предположенной на правом берегу Дона, в расстоянии 2 с лишним километра от устья Теморнака <Темерника>. Однако первоначальный проект, составленный из бастионных фронтов, был отвергнут, и в 1759 году был составлен новый проект особой комиссией из ряда русских инженеров. По этому проекту крепость имела 8 фронтов, обращенных к полю, и горжевую ограду, расположенную в три ряда по гребню и скатам берега. Напольные фронты имели тенальные начертания; кроме главного вала имелись фоссебрея, анвелопы и пр. Очень сильно была организована оборона, причем для устранения скоплений дыма фланки были сделаны выступными, местами же – отступные. Казематы были хорошо маскированы и разделялись земляной частью»¹⁹.

Новое сооружение было способно выдерживать долговременную осаду противника. Для этого вместо устаревших бастионов, то есть выступающих построек, должны были быть использованы многочисленные фронты крепостной ограды, сухой ров и ограды горжи – тыльной части открытых укреплений, а также фоссебреи – пониженные валы в пределах главного, доставлявшие вместе с ним двухъярусную ружейную и пушечную оборону, и анвелопы – валы впереди всего фронта. Кроме того, были укреплены боковые участки, так называемые фланки, и возведены тенали – усовершенствованные части фоссебреи начертанием в виде входящего угла, стороны которого идут по направлению оборонительных линий²⁰.

Основным назначением этой мощной крепости была защита южных рубежей от набегов турок. Границы России, однако,

вскоре отодвинулись к югу, поэтому крепость Св. Димитрия Донского не подвергалась нападениям и лишь однажды, в войне 1768–1774 гг., выполнила роль крупной тыловой базы русской армии, наступавшей на Азов, а затем подавлявшей волнения ногайцев на Кубани²¹.

Рассказы Раевского, основанные на его детских и юношеских воспоминаниях, подготовили поэта к встрече с грозной цитаделью. Но в 10 гг. XIX в. при отсутствии интереса Александра I к фортификационному искусству Дмитриевская крепость уже не производила впечатления мощного и дееспособного сооружения, каким она была ранее. Окруженная сухим рвом и утопленная в земляных валах, так и не обложенных камнем, она, несмотря на свои 8 фронтов, башни с пороховыми погребями и несколько батарей, не выглядела устрашающей. Граф И.А. Безбородко, побывавший здесь в 1812 г., писал о том, что крепость запущена, что в ней «много пушек и старинных и вновь привезенных, много старинного оружия, более 20 старинных, прежних государей, знамен...»²². Утратив военное значение, крепость доживала свой век, и через несколько лет, в 1835 г., ее гарнизон будет переведен в Анапу.

Раевский же помнил крупную, хорошо оснащенную крепость, и его рассказы о событиях прошлых лет возбуждали поэтическое воображение Пушкина. Но ожидания поэта не оправдались, и он не мог не быть разочарован. Вспомним, что такое же разочарование испытает герой исторической повести «Капитанская дочка». Гринев ехал служить в пограничный гарнизон и ожидал увидеть крепость внушительных размеров, с многочисленными оборонительными сооружениями.

Описанная автором повести Белогорская и увиденная Пушкиным в 1820 г. Дмитриевская крепости различны: вторая обширна, в ней каменные строения, мощная (более 200 орудий) артиллерия, большой (до 5 тысяч человек) гарнизон. Приостановив работу над повестью, Пушкин предпримет поездку в Оренбург, и его исторические исследования объясняют многие детали описания, несоотносимые с обликом Ростов-

ской крепости. Белогорская кажется Гриневу деревушкой, ее улицы тесны и кривы, избы низки и покрыты соломой.

Но писатель помнил и впечатления юных лет. Об этом сообщает запись в его черновике: «Степная крепость»²³. Она сделана в конце января 1833 г., когда до планов поездки в Оренбург был месяц²⁴, а до их реализации почти семь. Пушкин собирал материалы для «Истории Пугачева» и во время поездки увидел множество крепостей, а Нижне-Озерную, расположенную на крутом берегу Урала, он зарисовал²⁵. Но существенны и некоторые детали его повести, подтверждающие учитывание автором более ранних сведений. Гринев ожидает увидеть грозные бастионы, башни и вал и, въезжая в деревушку, замечает у ворот старую чугунную пушку. Наиболее же содержательна основная тема эпизода – несоответствие ожиданий восторженного молодого человека тому, что он видит в реальности.

Таким образом, знания и впечатления Пушкина времени его приезда в Ростов с генералом Раевским, помнившим боевое и деятельное прошлое донских крепостей и особенно Дмитриевской, где генерал мальчиком прожил почти год, оказали определенное влияние на воображение художника, умевшего сохранить, а затем извлечь из памяти то, что было необходимо ему для создания нового произведения.

Во время путешествия с Раевскими Пушкин впервые увидел удаленную от центра провинциальную Россию. Ее облик, быт и нравы обитателей приграничных губерний видоизменяли представления о мире столичного жителя.

Разномасштабность двух систем исторического бытия подчеркивалась Раевским-старшим, например, когда он предложил поэту прочесть стихи обывателям, приветствовавшим генерала: «Что они в них поймут?»²⁶. Несовпадение масштабов не только определяло иногда вопиющую неправильность провинциального подхода к явлению, мельчавшему в широком неопределенном контексте, но и подсказывало возможность восстановления полноты смысла того или иного деяния, события, личности. Потому

осмысление провинции связано для Пушкина с обретением живого и действенного историзма.

Благодаря присутствию Раевского знакомство Пушкина с Доном было многообразным и полным: в путешествии формировался интерес поэта к темам, которые станут основными в его творчестве – военная история России, правление Петра и Екатерины II, история казачества, характеры Разина и Пугачева. И в многотрудном, штормовом историческом бытии будет искать свое предназначение молодой дворянин, человек с провинциальной, ничего не говорящей фамилией: Дубровский, Бурмин, Гринев. И не случайно все эти герои военные. Невольно вспоминается рассказ генерала Раевского о том, как ему было передано предложение императора принять графский титул. Николай Николаевич Раевский ответил знаменитыми словами девиза знатного рода Роганов «*Roy ne puis, Duc ne daigne, Rogan suis*» (Королем быть не могу, герцогом не соизволяю, я – Роган)²⁷. По наблюдениям Н.Н. Скатова, социология Пушкина, проявившаяся в надеждах, которые он возлагал на русское дворянство, питалась впечатлениями, которые поэт вынес из детских и отроческих лет, проведенных в Лицее, где была пережита и война 1812 г.²⁸

Поездка Пушкина по донскому краю в 1820 г. оказалась богата на впечатления. Генералу были доступны сведения о крестьянских волнениях в крае, которые, очевидно, были предметом разговоров за обедом у А.К. Денисова²⁹. На завоеванных Россией территориях появлялись помещичьи хозяйства, владельцами которых становились и казаки; они получали землю за военные заслуги. Навязываемые донцам экономические отношения в преддверии декабристского выступления воспринимались как устаревшие, и не случайно тема казачьего вольнолюбия становится одной из центральных в изысканиях Пушкина.

Проехавших же по территории крепости путников, которые от ее восточных ворот вновь увидели разлившийся, сверкающий, великолепный Дон, ждали Нахичевань и Аксай, на следующий день Новочеркасск, а еще через день – Старочеркасск. Эти города и станицы, как и Ростов с расположенной вблизи него крепо-

стью, одарят поэта новыми, во многом более яркими и столь же незабываемыми впечатлениями.

- ¹ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Ч.2. С. 152.
- ² Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. Сост. М. А. Цявловский. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 206, 209, 211.
- ³ Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997. С. 147–149.
- ⁴ Отмечено А. Л. Бертье-Делагардом (Бертье-Делагард А. Л. Память о Пушкина в Гурзуфе // Пушкин и его современники. СПб, 1913. Вып. 12–13. С. 17). О подготовленности поездки писала Т. Галушко (Галушко Т. «Раевские мои...». Л., 1991. С.65–67).
- ⁵ Архив Раевских: В 5 т. СПб., 1908. Т.1. С. 518.
- ⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799–1826. Сост. М. А. Цявловский. С. 657.
- ⁷ Рудыковский Е. П. Встреча с Пушкиным: Из записок медика. Цит. по: Анненков П. В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1984. С. 87.
- ⁸ Архив Раевских. Т. 1. С. 519.
- ⁹ Архив Таганрогского литературного и архитектурного музея-заповедника, ф. 145, д. 6–9.
- ¹⁰ Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам// Записки Ростовского-на-Дону Общества истории древностей и природы. Ростов-на-Дону, 1912. Т. 1. С. 31–33.
- ¹¹ ГАРО, ф. Р-2613, д. 17, л. 91–98.
- ¹² Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону... С. 34;
- ¹³ Архив Раевских. Т. 1. С. 520.
- ¹⁴ Там же. С. 518–519.
- ¹⁵ ГАРО, ф. 518, оп. 1, д.48, л. 38.
- ¹⁶ Вполне вероятно, что к теме статьи имеют отношение следующие сведения, сообщенные нам В.И. Литвиненко. В последние годы XVIII – начале XIX вв. в Ростовской крепости служил оберпровиантмейстер Дмитрий Васильевич Змиев, который был женат на некой Елене Петровне. Змиев имел крупное землевладение в 40 км от Ростова на р. Кагальник. По соседству находилось имение провиантмейстера Якова Петровича Пеленкина (с. Платоно-Петровка – бывшее родовое поместье Пеленкиных). Я.П. Пеленкин тоже служил при крепости Дмитрия Ростовского. После смерти Д.В. Зми-

ева в 1809 г. он, согласно доверенности вдовы, занимался улаживанием дел по наследству. Поскольку участие в подобных делах принято было доверять ближайшим родственникам, есть основания полагать, что Елена Петровна доводилась Якову Петровичу сестрой, но тогда она и есть Алена Пеленкина. У Е.П. Змиевой было две дочери – Олимпиада и Ольга, и последней в 1820 г. было лет 15-17. Правда, по ревизским сказкам у Змиевых значится еще и сын Александр (ГАРО, ф. 229, оп. I доп., д. 59; ф. 376, оп. I, д. 167). Для окончательного решения вопроса о личности Алены Пеленкиной необходимы новые поиски в архивах.

Укажем, что один из тех, кто мог бы внести уточнения, историк Н.С. Коршиков выступил в одном из ростовских журналов со статьей, в которой под видом критики и уточнений осуществил попытку приписать себе наши предположения о личности Пеленкиной и рассуждения о длительном проживании мальчика-Раевского в крепости. Историк попытался также необоснованно критиковать сведения Литвиненко, у которого, без ссылки на него, заимствовал часть излагаемых в статье архивных материалов (некоторые из них были ранее опубликованы Литвиненко, как и наши размышления). При этом Коршиков допустил в своей компилятивной работе (Коршиков Н.С. Таинственная «девица Пеленкина» (к пребыванию А.С. Пушкина в Ростове-на-Дону) // Научная мысль Кавказа, Ростов н/Д. 1999, №2 С. 71–73) ошибки и натяжки, чрезмерно увлекаясь, например, недоказуемым фактом знакомства Пушкина с Пеленкиной, давая точный адрес якобы сохранившегося дома, где оно произошло, забывая о наличии у генерала походной кухни и приписывая нам незнание круга обязанностей служащих почтовых станций, в который не входило угощение проезжающих обедом.

¹⁷ Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 15. С. 113.

¹⁸ Чеботарев Б. В. Очерки о начальном периоде истории г. Ростова-на-Дону и окрестных селений // Из истории Дона (XVII–XX вв.) Ростов-на-Дону, 1956. С. 61–62.

¹⁹ Яковлев В. В. История крепостей. СПб., 1995. С. 90.

²⁰ Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 2. С. 420; Яковлев В. В. История крепостей. С. 35. 44, 63.

²¹ Филевский П. П. История города Таганрога: Репринт. Изд. Таганрог. 1996. С. 79.

- ²² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года / Собр. и изд. П.И. Щукиным. М., 1908. Ч. 10. С. 8–9.
- ²³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1940. Т. 8, ч. 2. С. 929.
- ²⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 тт. М.; Л., 1948. Т. 15. С. 51.
- ²⁵ Абрамович С. А. Пушкин в 1833 году. М., 1994. С. 291.
- ²⁶ Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 140.
- ²⁷ Архив Раевских: Т. 1. С. 207.
- ²⁸ Скатов Н.Н. Русский гений. М., 1987. С. 56–57.
- ²⁹ Факты, связанные с крестьянскими волнениями, неоднократно осмысливались в исторической и краеведческой литературе. См., например: Линин А.М. Пушкин на Дону. Ростов н/Д, 1949. С. 16–24.